

Х Е Л Е Н Ф И Л Д И Н Г

ОТ СОЗДАТЕЛЯ РОМАНА **ДНЕВНИК**
БРИДЖИТ ДЖОНС

*приглашение
успеха*

Москва
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Ф56

Helen Fielding
CAUSE CELEB

Copyright © Helen Fielding, 1994

Перевод с английского Ю. Змеевой
Художественное оформление П. Петрова

Филдинг, Хелен.

Ф56 Причина успеха / Хелен Филдинг; [пер. с англ. Ю. Ю. Змеевой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (Все о Бриджит Джонс. Романы Хелен Филдинг).

ISBN 978-5-699-88690-6

Устав от бестолкового любовника и размеренной лондонской жизни, Розы Ричардсон отправляется в качестве волонтера в Африку, в лагерь беженцев. То, что начиналось как приключение, вскоре становится для нее смыслом жизни. Розы придумывает необычный план для помощи своим подопечным: она надеется привлечь к ним внимание всего мира, поэтому организует западным звездам благотворительную поездку в лагерь. Но в стремлении увеличить свою популярность знаменитости доходят до столь нелепых выходов, что Розе то и дело приходится вытаскивать их из неприятностей. А ведь еще так хочется наладить личную жизнь! Но как все успеть, если проблем становится все больше?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Змеева Ю., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-88690-6 ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Раньше я все время удивлялась: есть же на свете такие люди, как Генри. Поразительно, что человек может оказаться в столь чуждой ему среде и оставаться совершенно не подверженным ее влиянию. Генри будто покрыт каким-то мощным защитным средством, вроде антикоррозийного состава для океанских яхт.

Генри намазывал джем «Гордость джентльмена» фирмы «Фортнум и Мейсон» на кусок пресного хлеба, какой пекут в Намбуле.

— Сегодня утром встал и глазам своим не поверил: у моей хижины — семейство из восьми человек. Хотели передвинуть палатку поближе к реке. Говорю этому парню: «Приятель, здесь у нас лагерь беженцев, а не палаточный городок. Ладно, ладно, двигай. Кормят тут неважно, зато какой вид».

Генри похож на Иисуса. Ему двадцать три.

В Сафиле завтракали рано, сразу после рассвета. Время затишья — всего час перед тем, как жара становилась невыносимой. Тишину нарушали лишь крики петуха и болтовня Генри, который закрывал рот только во сне. Тем утром он надоел мне больше обычного. Я подозревала, что у него закрутилась интрижка с одной из наших

эмоционально особенно уязвимых медсестер — Сиан. Она сидела рядом с ним и смотрела на него взглядом благостным, как бисквитное пирожное. У Сиан было доброе сердце. Она присоединилась к нам два месяца назад, после того как рано вернулась домой с ночной смены в Дерби и обнаружила своего мужа в постели с таксистом кипрского происхождения. Они были женаты восемнадцать месяцев. После нескольких встреч с психоаналитиком она решила продолжить свое лечение заочно.

Бетти, как обычно, говорила о еде:

— Знаете, что бы я сейчас съела? Пудинг с джемом и заварным кремом. Точно говорю. Даже, наверное, оставила бы пудинг и просто съела заварной крем. Обычный пудинг из хлебных крошек. Ммм, представляете, как вкусно? С изюмом и мускатным орехом! Может, Камаль приготовит хлебный пудинг, если мы приспособим эту жестянку из-под печенья под духовку?

Полшестого утра. Я встала из-за стола, вышла на улицу и вздохнула. Здесь всегда раздражаешься по мелочам и при этом не замечаешь ужасов, потому что уже насмотрелась. Я зачерпнула из чана воду и пошла к обрыву — почистить зубы.

Позади меня располагалось наше поселение — несколько круглых глиняных хижин, душевые, уборные и домик, который служил нам столовой. Передо мной — лагерь Сафила, шрам посреди пустыни, отпечаток гигантской ноги на гигантском пляже. Солнечный свет — пока еще бледный, мягкий; небо едва прояснилось на горизонте. Среди

дюн и дорожек, ведущих к месту, где одна синяя река впадает в другую, беспорядочно рассыпаны хижины беженцев. Пять лет назад, в середине восьмидесятых, во время Большого Голода, их было шестьдесят тысяч. В день умирали по сто человек. Сейчас осталось двадцать тысяч. Остальные перешли границу и вернулись в горы, в Кефти, где шла война.

Сухая трава зашелестела под дуновением горячего ветра. Сегодня утром не только Генри действовал мне на нервы. В лагере ходили слухи об очередном губительном для урожая нашествии саранчи в Кефти. Но поселенцы часто рассказывали страшные истории. Трудно определить, каким из них можно верить. Мы слышали, что ожидается новый приток беженцев — может, тысячи.

Лагерь наполнился шумом — бляение коз, смех, крики играющих детей. Радостные звуки. Еще недавно мы слышали лишь стоны умирающих от голода. Я прикусила кончик большого пальца, пытаясь забыть. Невыносимо вспоминать то время. Со стороны столовой донеслись шаги. Генри возвращался в свою хижину. На нем была его любимая футболка с надписью «Почему вы решили стать волонтером?» и четырьмя вариантами ответа:

- А. Из религиозных соображений.
- Б. Из-за денег.
- В. Потому что я неудачник.
- Г. Из-за несчастной любви.

Генри выбрал Б — в шутку, конечно. Его семье принадлежит половина Лестершира. А я? Я — гибрид В и Г. И еще мне всегда хотелось делать добро.

Летом 1985 года, когда я еще жила в Лондоне, я влюбилась. Влюбиться для женщины — катастрофа, хуже некуда. Оливера — объекта своих неистовых мечтаний — я встретила на гала-концерте в Королевском Альберт-холле. Исполняли «Gloria» Вивальди, присутствовала принцесса Кентская. Я тогда работала рекламным агентом в издательстве «Гинсберг и Финк», носила короткие юбки и прозрачные черные колготки, на совещаниях сидела нога на ногу и всюду расхваливала достоинства каких-то людей, которые меня совершенно не интересовали. Забавно: когда тебе двадцать пять, ты хочешь, чтобы тебя воспринимали всерьез и не относились бы к тебе только как к сексуальному объекту. В тридцать пять замечаешь, что тебя воспринимают всерьез, но обеспокоена тем, что сексуальным объектом уже не являешься.

Директор нашей компании, сэр Уильям Гинсберг, любил устраивать маленькие вечера и приглашать талантливых людей и знаменитостей. Но при этом всегда держал в секрете список приглашенных. Для плохо осведомленных личностей вроде меня присутствие на таких вечерах было сущим кошмаром. Я все время боялась подойти к кому-нибудь и спросить, чем они занимаются. Вдруг окажется, что передо мной автор «Любви во время чумы» или солист «Бич Бойз»?

Я была дома у сэра Уильяма три раза. Но он все равно не вспомнил бы, кто я такая. Кроме меня, в издательстве работали еще несколько молодых девушек, и он всегда приглашал то одну, то другую, чтобы мы веселили гостей. Мне нравилось общаться с творческими, интересными людьми. На весь вечер я погружалась в состояние благоговейного трепета и очень редко открывала рот. Но мне хотелось стать такой же, как они. Концерт Вивальди обещал стать самым грандиозным вечером, на который меня приглашали, и, естественно, я волновалась.

Перед концертом сэр Уильям организовал небольшой прием: аперитивы для ста человек в одном из залов Альберт-холла. За счет компании забронировали пятнадцать лож; после концерта планировалось устроить торжественный ужин для дюжины избранных. Простые смертные вроде меня, естественно, могли расслабиться.

Я нарочно опоздала, тщательно изучила свое отражение в зеркале дамской комнаты и по длинному красному коридору направилась к залу Элгара. Служитель в униформе нашел в списке мое имя и распахнул дверь из темного дерева. В глаза ударил яркий свет. Золотой зал весь светился, гости в смокингах и вечерних платьях спускались по декоративной лестнице или стояли наверху, облокотившись на позолоченные перила. На потолке сквозь тонкую завесу дыма поблескивали хрустальные светильники.

Я была заморожена. Будто все гости программы «Звезды шоу-бизнеса» собрались в одной

комнате: Фрэнк Бруно, Джеффри Арчер, Аннека Райс, Нил Киннок, Терри Воган, Мелвин Брэгг, Кейт Эди, Ку Старк, Боб Гелдоф, Найджел Кеннеди, Ричард Брэнсон. В панике я пыталась отыскать хоть кого-нибудь из нашего офиса, но безуспешно. Странно находиться в комнате, полной знаменитостей, — ты знаешь, кто *они*, но никто не знает, кто ты. Я направилась к столу с аперитивами, по пути улавливая обрывки разговора.

— Честно говоря, эту историю никак не забудут...

— Понимаешь, проблема Мелвина в том...

— Джером, у тебя есть мобильник?

— Мне всегда казалось, что он слишком много на себя берет...

— У меня большие неприятности с «Тоской»...

— ... проблема Мелвина в том, что он не старается...

— Джером...

Кто-то взял меня под локоть.

— Ммммм! Самая очаровательная девушка на свете. Дорогая, ты выглядишь божественно. Мое сердце разбито, точно говорю. Абсолютно уверен. Поцелуй же меня, моя дорогая, поцелуй.

Это был Динсдейл Уорбертон, драматург, один из моих самых важных клиентов. Ветеран английской сцены. Недавно он порадовал нас своими мемуарами. У Динсдейла всегда было встревоженное выражение лица. Он был со странностями, но ко мне всегда относился по-доброму.

— *Чмок, чмок*. Но что это такое, дорогая? — Брови Динсдейла почти сошлись на переносице

от ужаса. — Где твой бокал? Надо срочно налить тебе выпить. Срочно налейте ей выпить!

Тут что-то за моей спиной привлекло его внимание.

— О! Самый очаровательный мужчина на свете. Дорогой мой, дорогой! Ты выглядишь божественно. Вчера ты был просто неподражаем. Не-описуемо остроумен и хорош.

Это и был Оливер Марчант, редактор и ведущий программы «Фокус» — популярной и актуальной передачи об искусстве на четвертом канале. Его репутация разрушителя сердец — причем в число его жертв попадали женщины, которые дружат с мозгами, — была всем давно известна. Но тогда я и представить себе не могла, как разрушительно закончится все это для меня. Динсдейл обратился ко мне:

— Ты знакома с этим неотразимым мужчиной, дорогая? Ты знаешь Оливера Марчанта?

Я запаниковала. Он же знаменитость, в конце концов. И что мне отвечать? Да, я видела его по телику? Нет... никогда о таком не слышала?

— Да... то есть нет. Извините... кошмар.

Оливер взял меня за руку.

— А это...

— Ах! Самая очаровательная девушка на свете, мой дорогой, богиня.

— Понимаю, но у богини есть имя, Динсдейл?

На минуту Динсдейл растерялся. Я была в шоке: он забыл, как меня зовут. Мы работали вместе каждый день в течение почти двух месяцев.

— Розы Ричардсон, — извиняющимся тоном произнесла я.

— Очень рад... Розы Ричардсон, — ответил Оливер.

Высокий, худощавый, темноволосый... На нем был темно-синий костюм и обычный галстук — не галстук-бабочка, — завязанный свободно. Я очень точно помню, как его темные волосы опускались на воротник, а на подбородке была едва заметная щетина.

— Розы, дорогая. Я немедленно принесу тебе выпить. Уже бегу. Ты уже в обморок падаешь от жажды, — выпалил Динсдейл и с виноватым видом поспешил к бару.

Я повернулась к Оливеру. Он разговаривал с седовласым диктором новостей. Рядом с диктором стояла его пятнадцатилетняя дочь.

— Как дела, Оливер? — Диктор похлопал Оливера по плечу.

— Дерьмово как всегда, тебе ли не знать. Как дела, Сара?

Оливер — само обаяние — стал разговаривать с девушкой, смутив ее еще сильнее, чем меня. Глянул ей через плечо и улыбнулся мне, будто хотел сказать: «Подожди».

— Пока, Сара, — мило попрощался Оливер. — Удачи на экзаменах. — Он помахал ей рукой.

Девушка с отцом отошли на приличное расстояние.

— Грязная сука, — чуть слышно произнес Оливер, глядя на удаляющуюся малолетку. — Так и лезет ко мне. — Я засмеялась. — Ну как, тебе весело?

— Немного странно, честно говоря, — призналась я. — Я никогда еще не видела столько знаме-

нитостей сразу, в одной комнате. Кажется, тут все друг друга знают. Как в закрытом клубе. Они действительно *все* знакомы?

— Да. Раньше я думал, что знаменитости — это что-то вроде новой аристократии, но ты абсолютно права. Это закрытый клуб. Клуб Знаменитых. Вместо вступительного взноса надо, чтобы каждая шлюха знала тебя в лицо. — Оливер с пренебрежением оглядел зал.

— Нет, нет, *ты* прав, это и есть новая аристократия, — поддержала его я. — Раньше наследовали поместья и охотничьи угодья, теперь — славу. Вспомни Джулиана Леннона, Кифера Сазерленда.

— А вместо охоты на куропаток мы развлекаемся премьерами и церемониями вручения «Оскара»? Но мне все-таки кажется, что это больше похоже на закрытый клуб со своими правилами. Нужно соблюдать иерархию. Менее знаменитым нельзя приближаться к настоящим знаменитостям.

В этот момент, опровергая его теорию, к нам подошла леди Хилари Гинсберг, жена сэра Уильяма.

— Оливер, я так рада тебя видеть. Как там Лорка?

Оливер растерялся всего на мгновение. Он не понял, кто она такая.

— Хилари Гинсберг. Как хорошо, что ты смог вырваться, — поспешно произнесла она, повернувшись ко мне спиной, тем самым исключив меня из разговора. — Ты знаком с Мартином?

Любовь леди Хилари к знаменитостям была чем-то вроде хронического заболевания. Я ви-

дела, как она составляет списки приглашенных. У нее есть что-то вроде собственного индекса Доу Джонса, только для определения степени знаменитости. Художники, актеры, журналисты расположены в порядке убывания или возрастания — в зависимости от веяний моды, таланта или просто желания выставить себя напоказ. Так вот, всю жизнь леди Хилари меряет этим индексом. Я не раз слышала, как она безо всякой иронии объясняла, почему нельзя не пригласить того или иного человека. Даже ее самые близкие подруги удостоиваются чести посетить один из приемов сэра Уильяма, если их котировки по индексу ползут вверх; в противном случае приходится довольствоваться обедом наедине с леди Хилари.

Оливер излагал теорию закрытого клуба известному писателю, которому его представила леди Хилари. Дрожь от волнения, я заметила, что к ним присоединились Ноэль Эдмондс и журналист Дэмиен Глит, более известный как Дэмиен Глист.

— Если поместить двух знаменитостей в комнату, где полно обычных людей, в конце концов они начнут общаться друг с другом — разумеется, только если более знаменитый первым подойдет к менее знаменитому, — разошелся Оливер. К тому моменту вся компания уже покатывалась со смеху. — Мартин, ты же звезда, ты должен знать. — Тут Оливер повернулся ко мне и стал пристально смотреть мне в глаза.

— О господи, какая замечательная идея! Может, напишешь статью для нашего журнала? — спросил Дэмиен Глист.

Оливера спас звонок, возвестивший о начале представления. Появился сэр Уильям и поднял шум, напугав всех.

— Давайте, давайте, ради бога, мы очень, очень опаздываем, пропустим вступление. — Схватив Оливера и писателя за локти, он поволок их в ложи, оставив леди Хилари стоять с таким видом, будто она только что высидела яйцо и разбила его.

Я потащилась было за ними, но тут появился Динсдейл с моим аперитивом.

— Дорогая, прости меня, прости! Я в агонии, я в шоке. Я отвратительный старый дурак, у меня дырявая голова.

Какой милый старичок!

— Не убивайтесь, ничего страшного, — ответила я.

Выяснилось, что Оливера посадили прямо позади меня. Весь концерт я провела в состоянии практически невыносимого сексуального возбуждения. Мне казалось, что я ощущаю сзади его дыхание на своем теле — я была в платье с открытой спиной. А когда он случайно задел меня рукой, я чуть не испытала оргазм.

Когда музыка закончилась и стихли аплодисменты, я не осмелилась обернуться и взглянуть на него. Я так и стояла в ложе, ждала, пока все выйдут, изучала пустеющий Альберт-холл и пыталась успокоиться. Потом я услышала, как кто-то спускается по ступенькам позади меня. Это был он. Он наклонился и поцеловал меня в шею. По крайней мере я надеялась, что это был он.